

Благодарности

Первые идеи и наброски, связанные с этой книгой, пришли ко мне во время стажировки в Центре гуманитарных наук Уэслианского университета в 2008 году. Я хотела бы поблагодарить директора центра Джилл Моравски, а также всех преподавателей и студентов-стипендиатов за остроумные и полезные комментарии и предложения. Джилл смогла создать теплую, необходимую для интеллектуального труда атмосферу, которую я всегда буду помнить и за которую буду очень признательна. На протяжении всей моей работы меня поддерживали и вдохновляли коллеги по Программе изучения России, Восточной Европы и Евразии — Ирина Алешковская, Сергей Бунаев, Присцилла Мейер, Филипп Помпер, Жюстин Кихада, Питер Ратленд, Виктория Смолкин-Ротрок и Даффилд Уайт. Дебра Поццетти оказала неоценимую административную помощь. Ирина, Присцилла и Даффи, а также их супруги Юз Алешковский, Билл Трусдейл и Изабель Гай с момента моего приезда в Уэслиан в 1985 году были моими наставниками, всегда гостеприимными и готовыми морально поддержать.

Сотрудники Уэслианской библиотеки Олина также оказали мне неоценимую помощь. Я хотела бы поблагодарить Кейт Вулф и Лизу Пинетт из отдела межбиблиотечного абонемента, а также Пэт Талли, Ребекку МакКаллум и Диану Келли. Менеджер Стивен Росс из библиотеки Йельского университета любезно помог мне получить доступ к «Русскому вестнику» и другим русским журналам XIX века (которые примерно на середине моей восьмилетней работы над этой книгой чудесным образом стали доступны в Интернете через [NathiTrust](#)).

Эрик Найман пригласил меня прочитать лекцию о Каткове на кафедре славянских языков и литератур Калифорнийского университета в Беркли в октябре 2014 года. Общение с преподавателями и студентами кафедры дало мне вдохновляющий толчок к завершению работы над книгой. Особое спасибо Эрику, Дэвиду Фрику, Любе Голбурт, Ольге Матич и Ирине Паперно за их пронизательные комментарии и интеллектуальное гостеприимство. Спасибо также Иэну Дункану и Айше Агиш за их комментарии и теплые слова поддержки.

Кэтрин Ципеля и Лазарь Флейшман опубликовали мое эссе о литературных отношениях Каткова с Достоевским в сборнике, я благодарю их за предоставленную возможность рассказать о своей работе по исследованию жизни Каткова.

Светлана Евдокимова и Владимир Гольштейн пригласили меня в марте 2014 года на свою конференцию «Достоевский за пределами Достоевского» в Брауновском университете, где я смогла пообщаться с выдающимися исследователями Достоевского. Спасибо всем присутствовавшим участникам, особенно Кэрл Аполонио, Марине Косталевской, Деборе Мартинсену, Робин Фойер Миллер и Донне Орвин за их поддержку и теплые замечания по тому же поводу.

Также я благодарна Донне Орвин за то, что она связала меня с Людмилой Викторовной Гладковой и Татьяной Георгиевной Никифоровой из Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве. Они оперативно и щедро отвечали на мои вопросы о написании того или иного слова в черновиках «Анны Карениной».

Выражаю признательность и другим своим коллегам, оказавшим мне различную помощь в написании этой книги: Наде Акшамия, Роберту Конну, Брюсу Мастерсу, Джеймсу Макгуайру и Майклу Дж. Робертсу, а также моему брату Джиму Фуссо и его мужу Ричарду Барри и моим дорогим друзьям Сьюзен Амерт, Ольге Питерс Хэсти, Нэнси Поллак, Ольге Мониной и Александре Семеновой, которые постоянно помогают мне советом и поддержкой. Много лет я училась у Роберта Луиса Джексона, и его видение русской литературы стало для меня настоящей путеводной звездой.

Администрация Уэслианского университета поддерживала меня на каждом шагу, начиная со стипендии в Центре гуманитарных наук в 2008 году. Президент Майкл С. Рот пригласил меня рассказать о своей работе на президентском обеде в 2013 году. Деканы Эндрю Курран, Марк Эйснер и Гэри Шоу, а также проректоры Рут Вайсман и Джойс Джекобсен неоднократно предоставляли средства на проведение исследований. Эта книга не могла бы быть написана без щедрой политики университета по предоставлению академических отпусков, которая помогает всем нам воплотить в жизнь наши идеалы преподавателя и ученого.

В этой книге развиваются идеи, выросшие из более чем тридцатилетнего опыта преподавания несравненным студентам Уэслиана. У меня была бесценная возможность познакомиться этих блестящих молодых людей с великими произведениями Тургенева, Достоевского и Толстого, а также наблюдать за тем, как они откликаются на эти романы и разбирают их сложную проблематику. Студентов, которые внесли свой вклад в развитие идей и интерпретаций, представленных в этой книге, было слишком много, чтобы упомянуть всех поименно. Я благодарю каждого из них, но особенно тех, кто в дальнейшем внес свой вклад в развитие этой области знаний: Линдси Себаллос, Элизабет Папазян, Эмили Ванг и Матвея Янкелевича.

Книга о Каткове не была бы написана без участия моего мужа, Джозефа М. Сири — и это не клише, а простая истина. Джо — непревзойденный исследователь истории архитектуры, он стал для меня примером того, какой может и должна быть историческая наука. Он полюбил Михаила Каткова с того дня, как я начала его изучать. В те моменты, когда я была готова сдаться, Джо говорил: «Нет Каткова — нет канона!». Он прочитал все главы рукописи во всех их вариантах и давал пронизательные редакторские советы и критические замечания. Эта книга посвящается ему с глубочайшей любовью и благодарностью.

И наконец, я хотела бы поблагодарить команду Academic Studies Press за подготовку и публикацию этой книги на русском: Ольгу Петрову, Ивана Белецкого, Ивана Граве и Романа Рудницкого, а также переводчиков — Веру Полищук и Анастасию Кузнецову.

Введение

От изгоя до героя

Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети». Романы Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы» и «Братья Карамазовы». Романы Л. Н. Толстого «Война и мир» и «Анна Каренина». Этот список выглядит как прекрасный план лекционного курса о русском романе 2-й половины XIX века. Здесь перечислены практически все основные классические произведения, создавшие русской литературе международную репутацию, — те произведения, которые переведены на многие языки и которым русская литература обязана своим местом в литературе мировой. Этот список также совпадает с перечнем названий русских романов, впервые опубликованных в журнале «Русский вестник», основателем и редактором которого был Михаил Никифорович Катков (1818–1887). Однако на Западе людям, не являющимся специалистами по истории русской литературы, имя Каткова неизвестно, а специалисты знают его как человека, за которым закрепился эпитет «реакционный русский издатель», — знают как издателя, доводившего великих русских писателей до отчаяния своим упорным стремлением к нарушению художественной целостности их произведений. Наиболее известен он тем, что отказался печатать одну из центральных глав «Бесов» Достоевского, а также заключительную часть «Анны Карениной». Наше понимание литературной деятельности Каткова и его вклада в литературный процесс серьезно осложняется его активной политической деятельностью. В дополнение к той работе, которую Катков вел на литературном поприще, он был выдающимся политическим деятелем и, будучи редактором ежедневной

газеты «Московские ведомости», отстаивал идеи русского национализма и самодержавия, энергично выступая против радикальных и революционных движений. Из-за этого на протяжении семидесяти лет в истории русской литературы советской эпохи он считался *персоной нон грата*. Его роль в литературе постоянно преуменьшалась или представлялась в самом неблагоприятном свете. В западной науке имела место во многом аналогичная ситуация. На протяжении XX века западные литературоведы пытались критически и объективно подходить к идеологически ограниченным произведениям советских ученых, полагаясь, однако, на их огромные архивные, исторические и филологические ресурсы. Каким бы объективным ни был подход, было очень трудно не поддаваться влиянию непрекращающегося (и во многом заслуженного) негативного отношения, окружавшего образ такой фигуры, как Катков. Однако список классических романов, с которого мы начали, нельзя сбрасывать со счетов. Как бы то ни было, именно Катков стал тем человеком, который, предоставив место для публикации этих произведений и выделив соответствующее финансирование, обеспечил возможность появления русской литературы на мировой арене. Идея предлагаемого вниманию читателя исследования зародилась у автора благодаря интересу к положительным сторонам деятельности Каткова. Что в этом человеке позволило ему сыграть столь важную роль в создании великого русского романа?

В западном и — до недавнего времени — в российском литературоведении не уделялось внимания одной из важнейших фигур в развитии классического русского романа второй половины XIX века. Из-за консервативных националистических взглядов Каткова советская наука была вынуждена преуменьшать и демонизировать его роль в творчестве Тургенева, Достоевского и Толстого, а западная наука следовала в русле этого подхода. В настоящей работе предпринимается попытка восполнить этот пробел, подробно и с опорой на конкретный текстовый материал разъяснив, каким образом политико-филологическая программа Каткова, направленная на возвышение русской нации посредством создания литературы мирового уровня на русском

языке, сыграла активную роль в формировании концепции и процессе создания крупнейших русских романов. С этой целью было проведено тщательное исследование написанных Катковым текстов, в которых затрагиваются темы, связанные с литературой и имеющими отношение к опубликованным им романам политическими вопросами. Для более четкого понимания контекста расцвета русского романа в книге используются статьи Каткова, практически никому не известные сегодня, но весьма популярные и влиятельные в свое время. Следующие главы посвящены рассмотрению литературной стороны деятельности Каткова и его взаимодействия с некоторыми из крупнейших представителей русской литературы: В. Г. Белинским, Евгенией Тур, И. С. Тургеневым, Ф. М. Достоевским и Л. Н. Толстым. Главы не имеют единообразной структуры ввиду различного характера взаимоотношений Каткова с этими фигурами. В последней главе описывается финал отношений Каткова с Тургеневым и Достоевским после их встречи на Пушкинском празднике 1880 года в Москве.

Ранние годы жизни и деятельности

М. Н. Каткова

Михаил Никифорович Катков родился в 1818 году в Москве, в семье скромного государственного служащего, выслужившего личное (ненаследственное) дворянство; его мать, Варвара Акимовна Каткова (урожденная Тулаева), принадлежала к обедневшей грузинской дворянской семье¹. Его отец умер, когда ему и его

¹ Отчество матери Каткова иногда приводится в написании «Екимовна». Превосходным современным источником сведений о ранних годах жизни Каткова является [Санькова 2008]. См. также [Прокопов 2010: 10–15; Перевалова 2010: 17–23]. К основным англоязычным источникам относятся [Katz 1966] и [Theimer Nepomnyashchy 1977]. Обе работы не являются по своей сути биографиями: первая посвящена анализу политического дискурса Каткова, во второй внимание уделяется прежде всего его литературной деятельности. См. также [Mullen 1965].

младшему брату Мефодию не было и пяти лет. В период с 1823 по 1828 год в «Дамском журнале», редактором которого был один из друзей Катковой, было опубликовано шесть объявлений с просьбой о благотворительной помощи «бездомной вдове с маленькими сиротами», причем за этот короткий промежуток времени адрес для обращения изменялся несколько раз. В конце концов Каткова нашла место кастелянши в Бутырском тюремном замке в Москве, где мальчики и провели свои ранние годы². По воспоминаниям подруги семьи, Т. П. Пассек, в детстве Катков был необычайно тихим и замкнутым мальчиком, «как будто погруженным внутрь самого себя» [Пассек 1906: 290]. Российская исследовательница Е. В. Перевалова выдвинула интересное предположение о том, что характер зрелого Каткова, который часто называют высокомерным, гордым и своенравным, зародился уже в этом задумчивом, бедном ребенке:

Возможно, причиной такого [высокомерного] поведения Каткова было постоянно испытываемое в молодости чувство зависимости от других, бедность, необходимость самоограничения: ему не раз приходилось наталкиваться на равнодушные люди, чувствовать свое бессилие хоть чем-то помочь своим близким, и все это вызывало в его гордой, честолюбивой натуре несколько раздраженное и озлобленное отношение к жизни [Перевалова 2010: 23].

Хотя происхождение Каткова не могло обеспечить ему ни богатства, ни положения в обществе, его интеллектуальные таланты проявились в раннем возрасте, и к 27 годам, после изучения философии в Германии, он получил место адъюнкта на кафедре философии Московского университета. Однако в 1850 году, после

---

² Об объявлениях в «Дамском журнале» см. [Калмановский 1995]. Издателем журнала был князь П. И. Шаликов, на дочери которого позднее женился Катков. По свидетельству Т. П. Пассек, лично знавшей обстоятельства, в которых рос Катков, Мефодий жил у тети, а не в тюремном замке. Кроме того, согласно Пассек, мать Каткова занимала должность главной надзирательницы, а не кастелянши, как указывается в других источниках; см. [Пассек 1906: 288].

революционных событий 1848 года в Западной Европе, его университетская карьера оборвалась: в результате репрессивных мер в системе образования он лишился должности, поскольку преподавание философии стало прерогативой профессоров богословия. В этих обстоятельствах Катков занялся журналистикой, сначала в качестве редактора «Московских ведомостей» — ежедневной газеты, которая подвергалась строгой цензуре, характерной для периода правления Николая I. В 1856 году он основал «Русский вестник» — журнал, выходивший раз в две недели (позднее ежемесячно) и вскоре ставший одним из главных органов печати, где публиковались материалы по литературной, политической и социальной тематике. Издание играло заметную роль в дискуссиях вокруг отмены крепостного права в 1861 году, которую Катков пропагандировал как часть необходимой модернизации России.

В 1863 году, уже в атмосфере более свободной прессы времен правления Александра II, Катков вновь стал редактором «Московских ведомостей», сохранив при этом контроль над «Русским вестником». Вскоре после того, как он вернулся к редактированию газеты, под влиянием польского восстания 1863 года его ранее довольно либеральная общественная позиция трансформировалась в радикально консервативном направлении, или, по крайней мере, его консервативный национализм приобрел широкую известность в обществе. В своих редакционных статьях Катков настраивал российское общественное мнение против поляков и не без успеха убеждал правительство принять против них строгие меры. С 1863 года и до своей кончины в 1887 году Катков вкладывал много энергии в свои передовые статьи для «Московских ведомостей». Не занимая государственных постов, он пользовался огромным влиянием в продвижении тех дел, которыми он был страстно увлечен и которые служили прежде всего целям сохранения российского самодержавия и господства русской нации в многонациональной царской империи. Он называл себя «государственным сторожевым псом, охраняющим достояние Хозяина и чующим, если в доме что-нибудь не ладно» [Любимов 1889: 16]. По имею-

щимся документам трудно составить четкое представление о личности Каткова. Его единомышленники изображают его добрым, благородным, трудолюбивым человеком, преданным высшим идеалам; по свидетельствам других современников, он был по характеру холодным, надменным, властным и политически беспощадным. Однако присущими Каткову чертами, которые подтверждаются не только современными ему описаниями, но и содержанием его собственных сочинений, являются сила интеллекта и напористость в полемике.

Неудивительно, что и в России, и на Западе Каткова помнят прежде всего как политического деятеля: его передовые статьи в «Московских ведомостях», опубликованные его вдовой, занимают двадцать пять томов большого формата (см. [Катков 1897–1898]) и в основном посвящены политическим, экономическим и социальным вопросам. Но ключ к разгадке того, как глубоко в действительности связаны две на первый взгляд отдельные части жизни и деятельности Каткова — литературная и политическая, — дают факты его биографии и сочинения раннего периода. В этот период Катков проявлял интерес не только к философии, но и к филологии. Одной из первых его публикаций был перевод первого акта «Ромео и Джульетты»; он также переводил Гейне и других немецких поэтов. Его магистерская диссертация «Об элементах и формах славянорусского языка» (1845) является серьезной работой в области сравнительно-исторического языкознания³. Во времена Каткова философия не отделялась от филологии, и так же неразрывны были они в его личных устремлениях. Его глубокий интерес к возникновению русского языка был частью его гегельянской по характеру наде-

³ Первый акт трагедии «Ромео и Юлия» (в переводе Каткова пьеса носила такое название) был опубликован в журнале «Сын отечества» в 1838 году; другие сцены были опубликованы в журнале «Московский наблюдатель» в 1838 году; полная версия вышла в свет в журнале «Пантеон русского и всех европейских театров» (1841. Ч. 1, кн. 1. С. 1–54). Магистерская диссертация «Об элементах и формах славянорусского языка. Рассуждение, написанное на степень магистра Кандидатом М. Катковым» (М.: В университетской типографии, 1845) перепечатана в [Катков 2010–2012, 4: 12–160].

жды на способность русского народа достичь всемирно-исторического статуса⁴. Эта надежда отражена в его статьях 1830-х — начала 1840-х годов.

Проект «Русского вестника»

В 1855 году Катков обратился к министру просвещения с прошением о разрешении начать издание журнала, который впоследствии получил название «Русский вестник». Как отметил У. М. Тодд, именно в это время, после смерти склонного к репрессиям Николая I и восшествия на престол Александра II (см. [Todd 2002: 77])⁵, «цензурные послабления и неведомая прежде терпимость к политическим обзорам в прессе» привели к бурному росту журналистики⁶. Так Катков выбрал себе род занятий, который обеспечивал наиболее прямое и эффективное воздействие на аудиторию, — область деятельности, гораздо более влиятельную и близкую к реальной жизни, чем преподавание в университете (хотя его связи с университетскими профессорами оказались крайне важны для поддержания высокого качества содержания журнала).

⁴ На Каткова также сильно повлияла философская концепция Шеллинга, лекции которого он посещал в Берлине, но российские источники, следуя за утверждениями, содержащимися в письмах Белинского, склонны абсолютизировать отказ Каткова от философии Гегеля. Убедительные аргументы, подтверждающие непреходящее значение для Каткова философской мысли Гегеля, приводятся в диссертациях [Васков 1966] и [Woodburn 2001]. В частности, С. М. Вудберн пишет: «Важная деталь, которую следует учитывать при обсуждении философских пристрастий Каткова, состоит в том, что он был преданным сторонником взглядов Гегеля, и эта преданность не исчезла без следа, когда он начал учиться у Шеллинга. Хотя две философские традиции имеют некоторые различия, они не являются взаимоисключающими, и Катков не должен был считать их таковыми» [Woodburn 2001: 115].

⁵ У. Тодд всесторонне изучал поэтику и прагматику сериализации русского романа XIX века. См. примечания к главам 4, 5 и 6, где приведены ссылки на другие его работы, посвященные Каткову, Достоевскому и Толстому.

⁶ См.: Тодд У. Достоевский как профессиональный писатель: профессия, занятие, этика // Новое литературное обозрение. 2002, № 58. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/uilyam-todd-dostoevskij-kak-pisatel.htm> (дата обращения: 30.06.2023).

В первые годы существования «Русского вестника» в статьях Каткова продолжалось развитие темы формирования нации через язык и литературу. Первой его публикацией в журнале стала пространная статья об А. С. Пушкине, который умер в 1837 году и собрание сочинений которого было издано П. В. Анненковым в 1855 году. Основным посылом статьи Каткова является рассмотрение творчества Пушкина как кульминационного этапа в формировании русского литературного языка. Катков подчеркивает, что (как подробно описано в его диссертации 1845 года) современный русский язык образовался из элементов двух языков разных ветвей славянской семьи — исконного северо-восточного русского диалекта и привнесенного извне церковнославянского языка, имеющего юго-западное происхождение. К указанным основным элементам, по мнению Каткова, позднее добавилось влияние классической грамматики и современной европейской литературы. Эта хаотическая смесь была уже несколько упорядочена до Пушкина, но в нем, как выразился Катков, «наконец успокоился внутренний труд образования языка». Далее он пишет:

Великое дело в жизни народа — установившийся литературный язык. Ничем так не скрепляется народное единство, как образованием литературного языка. Пока еще шло это дело образования, мы в семье исторических народов казались отсталыми, были робкими учениками и подражателями. Когда дело это совершилось, русская мысль находит в себе внутреннюю силу для оригинального живого движения и народная физиономия выясняется из тумана [Катков 2010–2012, 1: 273–274]⁷.

Хотя во многих работах, посвященных изучению деятельности Каткова, подчеркивается, что идея о превосходстве русской нации развивается в его сочинениях после польского восстания 1863 го-

---

⁷ Статья Каткова «Пушкин» была впервые опубликована частями в следующих номерах журнала «Русский вестник»: 1856. Т. 1 (январь). С. 155–172; 1856. Т. 1 (февраль). С. 306–323; 1856. Т. 2 (март). С. 282–310.

да, данная статья 1856 года содержит фрагмент, который говорит об обратном. Катков цитирует стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», которое само по себе является вольным переводом «Eхegi monumentum» Горация, где Пушкин утверждает, что его «памятник нерукотворный» — его поэтическое наследие — переживет его, и «по всей Руси великой» «всяк сущий в ней язык» — «и гордый внук славян, и финн, и ныне дикой тунгус, и друг степей калмык» — назовет его по имени [Пушкин 1977: 340]. Катков пишет:

Множество разнообразных племен, населяющих наше отечество, должны вполне, умственно и нравственно, подчиниться русской народности, как подчинены они теперь Российскому государству. Для этих племен русская народность есть единственный путь к человеческому образованию, и они «назовут имя Пушкина» [Катков 2010–2012, 1: 275].

В связи с этим Е. В. Перевалова отмечает:

В этой статье Катков заявил о себе как представитель идеологии государственного национализма. Национальность в концепции Каткова — государственное понятие, а племенное происхождение, язык, исторически сложившиеся особенности характера, нравов и обычаев, религия не играют в данном случае никакой роли. Одно исторически выдвинувшееся племя закладывает основу государства, объединяет вокруг себя и подчиняет себе другие племена во имя государственного единства. Это племя получает значение государственной нации [Перевалова 2010: 211].

К 1860-м годам в споре с радикалами, связанными с конкурирующим журналом «Современник», Катков достиг еще больших полемических высот. В ходе полемики он вернулся к теме языка как легитиматора русских национальных устремлений. В статьях, опубликованных в «Русском вестнике» в 1861 году, Катков сравнивал потенциальное значение русского среди славянских языков

со значением верхненемецкого, важность и доминирующее положение которого гарантировались написанной на нем литературой. По утверждению Каткова, хотя в немецком языке множество диалектов,

...на верхненемецком языке, общем языке Германии, было высказано столько сокровищ знания и мысли, он был прищипом такого богатого развития, он принял столько впечатлений творческой силы, что перед ним умолкли всякие разноречия, и он стал палладиумом великой народности [Катков 2010–2012, 1: 275]⁸.

Здесь Катков щеголяет своей классической эрудицией. Слово «палладиум», происходящее от названия статуи Афины Паллады, которая, как считалось, защищала Трои, означает такую защиту, которая гарантирует целостность социальных институтов, как в выражении «Билль о правах, палладиум американских гражданских свобод». Катков желает добиться того, чтобы русский язык играл аналогичную роль в славянском мире. По его словам, славянский мир «забыт или подавлен историей», так как «ни одно из племенных начал его не достигло бесспорного могущества». В силу своего «великого государственного могущества» Россия могла бы сыграть эту роль, став, «бесспорно, центром единения» для славянского мира:

Когда же этот русский язык, слагавшийся так долго и так трудно, как бы предназначенный к чему-то великому и всемирному, когда же окажется он в своей литературе достойным этого предназначения? Когда этот тысячелетний ребенок будет признан человеком совершеннолетним, способным к самостоятельной жизни и мысли? <...> Станет ли он действительно орудием зрелой мысли и знания, живым выражением великих интересов гражданственности, окажется ли в нем действительно всемирная, связующая и созидающая сила? [Катков 2010–2012, 1: 312–313].

---

⁸ Из статьи «Несколько слов вместо современной летописи». Впервые опубликовано: Русский вестник. 1861. Т. 31 (январь). С. 478–484.

Катков обозначает здесь проблему, указывает задачу и формулирует призыв к действию.

Программа, которую Катков очертил в своих сочинениях 1839–1861 годов и которую, как покажет настоящее исследование, продолжал претворять в жизнь посредством своей редакционной и издательской деятельности в золотой век русского романа, не стерлась у него из памяти, даже когда он обратился к открыто политической деятельности. Ближе к концу своей жизни, в 1880 году, он написал очерк о Пушкине по поводу плана установки памятника поэту. В этом сочинении все так же четко провозглашается программа, очерченная Катковым в молодости, хотя здесь он говорит не о Тургеневе, Достоевском или Толстом, а о Пушкине — авторе, который изначально подал ему идею о том, что русская литература может достичь мирового статуса. Катков описывает жизнь народа как состоящую из тела (государственной власти и вооруженной силы) и души или духа («развитие даров человеческой природы»). Свое право на существование народ доказывает не только государственной властью, но и своим художественным наследием: «Никто не принес столько истинной пользы русской народности, как Пушкин, в то время, когда Бог судил ему жить, и его произведения стоят многих выигранных битв» [Катков 2010–2012, 1: 699–701]⁹.

В своем исследовании катковской версии русского национализма А. Реннер описывает суть деятельности Каткова, влиятельной и широко признанной в свое время, как «переопределение традиционного имперского единства как единства национального», преодоление неоднородности Российской империи за счет всеохватывающей концепции русской народности. В частности, Реннер отмечает:

В концепции Каткова «единство России» <...> было фундаментальным положением программы построения нации-империи с несколькими сосуществующими народностями,

---

⁹ Очерк «Заслуга Пушкина» (датированный 5 июня 1880 года), впервые опубликован: Русский вестник. 1899. Т. 261 (июнь). С. 403–409.

из которых, однако, только одна — русская — могла быть политически решающей. На протяжении веков Россия собирала территории царской империи. Пришло время объединить разрозненные части в одну нацию, как это сделали другие европейские государства [Renner 2003: 659, 670]¹⁰.

Реннер лишь вкратце упоминает о роли языка и литературы в этом процессе переопределения, но сочинения самого Каткова ясно показывают, что в его понимании данный вопрос был решающим и центральным. За годы до польского восстания Катков изложил свою программу обеспечения господства русского языка и, следовательно, русской нации через великую литературу.

Каким же образом Катков занимался реализацией этой программы на практике? Важным фактором в развитии его отношений с крупнейшими русскими писателями была его способность оказывать финансовую поддержку. Как пояснял Катков уже в 1855 году в своем прошении на имя министра просвещения, его усилиям по повышению качества «Московских ведомостей» препятствовало то обстоятельство, что, поскольку он не являлся владельцем газеты (это был государственный орган, принадлежащий Московскому университету), он не мог способствовать повышению качества публикаций путем увеличения выплат авторам¹¹. По мере развития и усиления позиций «Русского

¹⁰ См. также [Renner 2000: 196–273]. На это рассуждение Реннера также ссылается О. Майорова, подразумевая, однако, что он преувеличивает значение Каткова: «В те годы Катков был не одинок в этой попытке выделить русский народ как культурно и политически доминирующую группу внутри империи» [Маюрова 2010: 21]. Однако часть аргумента Реннера состоит в том, что благодаря своим публикациям Катков сыграл уникальную и не имеющую аналогов по влиятельности роль в формировании общественного мнения о месте русского этноса в империи. Литература по катковскому национализму обширна и растет, особенно в постсоветской России, и тщательное рассмотрение этой темы выходит за рамки настоящего исследования. Среди недавних работ, помимо исследований Реннера и Майоровой, можно выделить следующие: [Хоскинг 2008; Репников 2014; Санькова 2007]. Дополнительную библиографию см. в [Репников 2014: 223, примеч. 180].

¹¹ Прошение на имя министра просвещения А. С. Норова цитируется в [Любимов 1889: 47–52, 61–62]. См. также [Катков как редактор 1897а; Катков как редактор 1897б]. Превосходный обзор пребывания Каткова на посту редак-

вестника» на протяжении 1860-х годов издание обрело репутацию журнала, в котором авторам гарантированно выплачивались более высокие гонорары, чем в любом из конкурирующих изданий. Об этом свидетельствовали Тургенев, Толстой и Достоевский, обычно оправдываясь в том, что публиковали свои произведения в журнале такого ретрограда. Письма Достоевского от 1865 года ясно показывают, что он полагался на получение от Каткова практически постоянной финансовой поддержки в виде авансов за незавершенную работу¹².

Но Тургенева, Достоевского и Толстого, которые признавали, что внимательно читают «Русский вестник», привлекало в нем нечто большее, чем деньги, которые мог предложить Катков. С самого начала журнал занимался публикацией не только литературных произведений, но и материалов по таким стоящим перед Россией жизненно важным социальными проблемам, как модернизация, индустриализация, экономическое развитие, реформа судов и правительства. Безусловно, нечто подобное

тора «Московских ведомостей» в начале 1850-х годов дан в статье [Кременская 2002]. См. также [Перевалова 2010: 30–31]. По сравнению с И. К. Кременской, Е. В. Перевалова в большей степени склоняется к мнению, что, несмотря на наложенные ограничения, Катков за время своего пребывания в должности редактора значительно повысил качество журнала.

¹² Вопрос о финансировании «Русского вестника» подробно не исследуется ни в одном из источников, известных автору настоящей работы. К концу 1850-х годов журнал имел большое число подписчиков, а соратник Каткова по журналу П. М. Леонтьев, по общему мнению, был рачительным финансовым управляющим. В некоторых источниках муссируются слухи о том, что Катков получал субсидии от правительства или от богатых железнодорожных магнатов и торговцев, однако, по имеющимся сведениям, эти слухи не имеют документального подтверждения. В недавней статье М. Артемьева утверждается, что Катков получил субсидии от железнодорожных подрядчиков и других «московских финансовых шишек» на создание Лицея в память цесаревича Николая, в котором он реализовал на практике свою теорию о преимуществах классического образования, но Артемьев отвергает идею о том, что Катков получал прямые субсидии от государства для поддержки журнальных публикаций. Автор статьи не ссылается на какие-либо документы, подтверждающие сделанные им заявления [Артемьев 2014]. Катков публично отрицал получение субсидий на публикации в своем журнале.

делали все так называемые «толстые» журналы, но, как свидетельствуют письма Тургенева и Толстого, внимание серьезных читателей России привлекал прежде всего «Русский вестник»¹³. В 1869 году Достоевский писал:

Это решительно лучший и твердо сознающий свое направление журнал <...> Все первые вещи явились у них: «Война и мир», «Отцы и дети» и т. д. <...> Но, главное, наверное появится в каждый год, о чем знает каждый подписчик, три-четыре статьи, самых дельных, самых метких, самых характерных и надобных в настоящее время, и самых новых, и, главное, непременно только у них и ни в одном другом журнале, — об чем знает публика [Достоевский 1972–1990, 29, I: 23–24].

С 1856 по 1862 год, в период, непосредственно предшествовавший великому расцвету русского романа, журнал Каткова в полной мере отражал его сильную личность и устремления в отношении русской нации. Многие из этих устремлений Катков выражал в работах на политические темы, однако на страницах журнала читатель находит и его литературную программу. Уже в 1856 году в статье о Пушкине, критикуя пушкинские эксперименты в прозе, Катков, очевидно, призывает к созданию большого романа со сложным переплетением психологических, политических и философских мотивов, — того романа, который должен был стать доминирующей формой русской литературы. О лаконичной, лапидарной прозе Пушкина он пишет:

В [«Капитанской дочке»] нельзя не заметить той же самой сухости, которую страдают все прозаические опыты Пушкина. Изображения либо слишком мелки, либо слиш-

---

¹³ Весьма содержательное обсуждение феномена «толстого журнала» в России второй половины XIX века, особенно вопроса о его читательской аудитории, представлено в [Рейтблат 1991: 32–47]. Но, возможно, вследствие пережитков советских времен, автор исследования ни разу не упоминает Каткова. Все приводимые в работе примеры редакционно-издательской практики взяты из радикальной прессы. См. также обсуждение литературных гонимых [Рейтблат 1991: 78–96], где Катков снова не упоминается. Дополнительные сведения о журналистике в этот период см. в [Martinsen 1997].

ком суммарны, слишком общи. И здесь также мы не замечаем тех сильных очертаний, которые дают вам живого человека или изображают многосложную связь явлений жизни и быта.

Не одно природное свойство дарования Пушкина было виною указанного недостатка в его произведениях; виною тому, конечно, было также и недостаточное развитие умственных и нравственных интересов в общественном сознании, которого органом был Пушкин [Катков 2010–2012, 1: 289].

Более совершенное, «сформированное» общество, которое взращивалось «Русским вестником», должно было, по мнению Каткова, дать толчок к появлению более совершенных произведений прозы — и именно на прозе, а не на поэзии, Катков сосредоточил свое внимание в последующие годы (хотя в «Русском вестнике» также было опубликовано множество прекрасных стихов таких авторов, как А. А. Фет, К. К. Павлова и А. К. Толстой).

Восприятие Каткова: период поздней империи

Для более четкого понимания восприятия Каткова в наше время полезно проанализировать, как его наследие воспринималось в годы сразу после его смерти. За свою долгую карьеру Катков приобрел много друзей и врагов, и взгляды обоих лагерей ярко отобразены в посвященных ему произведениях, созданных в последние десятилетия существования Российской империи. Значительно труднее найти исследования, содержащие беспристрастную и объективную оценку деятельности человека, вокруг которого кипели столь бурные страсти. Многие из опубликованных книг и воспоминаний содержат множество полезных подробностей (даже притом, что некоторые из них следует воспринимать с осторожностью, а многие противоречат друг другу), но в них уделяется гораздо больше внимания политической деятельности Каткова, чем его роли в содействии созданию великого

русского романа. В агиографическом плане наиболее важной публикацией является книга ближайшего соратника Каткова Н. А. Любимова [Любимов 1889], который осуществлял повседневное руководство редакцией «Русского вестника» после того, как в 1863 году Катков стал редактором «Московских ведомостей». Как отмечает в своей новаторской статье 1977 года о литературной деятельности Каткова К. Таймер-Непомнящий, «Любимов включает в свою публикацию ряд полезных документов, текст которых приводит полностью, чем оказывает неоценимую помощь в отслеживании событий, приведших к основанию “Русского вестника”» [Theimer Nepomnyashchy 1977: 71, note 6]. Любимов фактически доводит свое повествование лишь до 1866 года и практически ничего не говорит о литературном творчестве Каткова, возможно, не желая привлекать внимание к тому факту (очевидному из писем), что, когда речь шла об отношениях «Русского вестника» с такими крупными писателями, как Достоевский и Толстой, Катков не позволял Любимову принимать никаких важных решений. По замечанию М. Каца, сочинение Любимова, наряду с биографическими очерками князя Н. П. Мещерского и других авторов, опубликованными в «Русском вестнике» в августе 1897 года (№ 250, с. 1–182), «является классической апологией» [Katz 1966: 13]. Приведем здесь типичный пассаж из воспоминаний Мещерского, представленных в виде писем к вдове Каткова и написанных высокопарно-ханжеским слогом: «Господь Бог щедро одарил великого борца за правду, и, верный раб, он широко приумножил дарованные таланты. Он несомненно был идеалом того, что требовалось для исполинской работы, которой он себя самоотверженно посвятил» [Мещерский 1897: 10]¹⁴.

Большим авторитетом в советский период пользовались мемуары разочарованных бывших соратников Каткова, таких как Б. Н. Чичерин, который писал (с аллюзиями на панегирик Мещерского):

---

¹⁴ Воспоминания Н. П. Мещерского и других авторов о Каткове перепечатаны в [Катков 2010–2012, 6] и [Лебедева, Платонов 2014].

Святое чувство любви к отечеству было низведено им на степень чисто животного инстинкта, в котором исчезало всякое понятие о правде и добре, и оставался один народный эгоизм, презирающий все, кроме себя. <...> Думаю, что история произнесет над Катковым строгий приговор. Ему дан был от Бога талант, и на что он его употребил? [Чичерин 1997: 159, 163].

Исследование, выполненное в 1888 году С. Неведенским (псевдоним С. Г. Щегловитова) [Неведенский 1888], содержит много ценной информации, в основном связанной с политической деятельностью Каткова, однако, как отмечает М. Кац,

<эта работа> в первую очередь легла в основу точки зрения о том, что Катков был «оппортунистом», так называемое «национальное направление» которого нельзя было воспринимать всерьез, а следовало считать свидетельством политической незрелости и поверхностных убеждений публициста. Такая точка зрения, которой [Неведенский] иногда сам противоречит, лишь препятствует осознанию важности идей как определяющих факторов в жизни Каткова [Katz 1966: 12]¹⁵.

Столь же скептически Кац относится к весьма влиятельной работе Р. И. Сементковского [Сементковский 1892]:

<Он> в форме эссе выражает либеральную позицию, в соответствии с которой Катков был не просто оппортунистом, а одним из худших представителей этого типа деятелей. Основная гипотеза Сементковского состоит в том, что Катков никогда не имел собственной идеи, не говоря уже о направлении, а скорее умело использовал те взгляды, тенденции и программы, которые, по его мнению, имели наилучшие шансы на успех; согласно этой крайней точке зрения, «он почти всегда плясал под чужую дудку» [Katz 1966: 13].

¹⁵ В [Katz 1966] и [Theimer Nepomnyashchy 1977], а также в других более ранних источниках авторство работы [Неведенский 1888] приписывается С. С. Татищеву, однако согласно современным российским источникам работа была написана С. Г. Щегловитовым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru